

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОДОВАЯ И КЛАНОВАЯ ГЕРАЛЬДИКА ГЕНУЭЗСКОЙ ЗНАТИ В XII—XVI ВВ.

Первые геральдические инсигнии в Генуе возникают в начале XII в. [Agosto 1989. P. 177]. Это прежде всего личные эмблемы консулов генуэзской коммуны, которые впоследствии стали передаваться по наследству. А. Агосто предлагает нижеследующую периодизацию развития генуэзской родовой геральдики, отмечая при этом, что связь с конкретными историческими событиями позволяет провести эти границы более четко.

Зарождению геральдики в Генуе в XII в. способствовали, как и во всей средневековой Европе, крестовые походы. Борьба гвельфов и гибеллинов также нашла отражение в геральдической практике. Исходя из этого, *начальным периодом* развития считается XII - середина XIII вв.

Приход пополаров к власти в Генуе (1257 г.) совпал с началом формирования системы семейных кланов, или альберго, что также не могло не повлиять на процессы самоидентификации знати. Периоды пополарского правления сменялись годами иноземного господства над генуэзской республикой. При этом одни представители служилого дворянства, приближенные к правящим кругам и обласканные ими, в качестве поощрения получали жалованные гербы или отличительные знаки на собственных фамильных символах, в то время как другие, опальные оппозиционеры, дожидались своего часа где-нибудь в Причерноморских владениях Генуэзской республики. Политическая нестабильность, усугубляемая противоборством пополарских лидеров, длилась в течение второй половины XIII – первой четверти XVI в., обозначая *второй этап* данной хронологии.

После очередной смены правительства (1528) трон дожа заняли «старые» нобили из рода Дориа, систематизировавшие состав альберго и закрепившие личные эмблемы в первом официальном гербовнике Генуи. Годы

их правления дают нам *третий период*: 1528–1576 гг.

Завершающим этапом формирования родовой геральдики Лигурии стал период с 1576 г., когда аристократия полностью освободилась от оков альберго, и до разгрома Аристократической республики войсками Бонапарта в 1797 г.

Обозначив исторический контекст, в рамках которого развивалась генуэзская родовая геральдика, перейдем к конкретным событиям политической истории Генуи за интересующий нас период с середины XIII в. по 1528 г.

Политическая борьба в Генуе

и ее отражение в геральдике (XIII в.–1528 г.)

Известный французский медиевист Ж. Эрс в своей работе «Генуя в XV веке» подчеркивает двойственность, присущую правящему классу республики св. Георгия, который состоял «в социальном плане из двух аристократических прослоек» [Heers 1961. P. 579]. К первой историк причисляет земельную аристократию – феодальных владетелей ранга Фьески, графов Лаванья, или Дориа, принимавших, однако, активнейшее участие в финансовых и торгово-промышленных операциях. Вторую составляет купеческо-банковская знать, состоявшая, с одной стороны, из пополаров, таких как Фрегозо, с другой стороны, из нобилей по происхождению, таких как Ломеллини и Чентурионе, почти целиком посвятивших себя деловой жизни.

Итак, мы имеем дело с двумя основными политическими силами — нобилиями и пополарами. Традиционно считалось, что нобили — благородные, знатные, гранды, патриции, «мантии» — одним словом, *gentiluomini* — дворяне, согласно Никколо Макиавелли, «в безделии роскошно живут с доходов от своих земельных владений, не заботясь о возделывании земли и не занимаясь другим необходимым для жизни трудом» [Макиавелли 1998. С. 416]. Однако применительно к генуэзцам это утверждение не вполне справедливо. Обширными территориями, протянувшимися по всему

побережью Лигурийской ривьеры, владели коммуна Генуи и многочисленные монастыри. Решающим показателем принадлежности к нобилитету, по мнению итальянских историков, является наличие родовых замков или дворцов у того или иного представителя правящих кругов. Самые большие феодалы принадлежали Фьески (семь роскошных замков, 126 феодалов, не считая владений в Лаванье) и Маласпина, вошедшим после 1528 г. в клан Дориа (13 укрепленных резиденций). Остальные земельные вотчины распределились между семьями Спинола, Дориа и Гримальди. Но не только родовая знать обладала феодалами. Самые активные популарские кланы, прежде всего, Адорно и Фрегозо, также стремились обрести крупную земельную собственность.

Генуэзский историк Ч. Каттанео Маллоне считает обобщения типа «патрициат» и «аристократия» не вполне правомочными по отношению к генуэзской правящей элите [Cattaneo Mallone 1991. P. 97-98]. Подобные громкие определения, отсылающие к эпохе Древнего Рима, обязывают именуемых таким образом вести свое происхождение если не от олимпийских богов, то, по крайней мере, от Гая Юлия Цезаря, в то время как скромные лигурийские нобили отслеживают свои корни лишь с X-XI вв. Однако, среди приведенных Ф. Грилло имен «знаменитейших» лигурийцев, находим Гая Элия Сталена, сенатора и народного трибуна Римской республики, Аулия Персия Флакка (34-62), родившегося на Лигурийской ривьере около Специи, Публия Элвия Пертинака (126-193) [Grillo 1960. P. 285].

Эталоном истинных нобилей служил род Дориа. В. И. Рутенбург вслед за генуэзскими историками справедливо отмечает двойственный характер «старых нобилей», «совмещающих феодалов и крупного масштаба торгово-финансовых деятелей, к тому же активных участников политических баталий. Они считали себя по происхождению, знатности, политическому весу “великолепными” (*magnifici*), закрепив затем это наименование как официальную титулатуру истинно нобильских домов» [Рутенбург 1987. С. 16].

Термин *popolari* (ср. с тосканским - *popolani*) не поддается строгому

определению. Начиная со времени правления «капитана народа» Симона Бокканегра (1339-1344, 1356-1363), власть в Республике сосредоточилась в руках пополаров. Наступила эпоха «вечного догата», непрерывного правления избираемых дождей (*dogi perpetui*), продлившаяся с 1339 по 1528 г. В отличие от нобилей, пополары не являются обособленной сословной группой, обладавшей постоянными чертами. Среди них мы встречаем всю социальную шкалу горожан — от грандов до скромных ремесленников, эволюционировавших до более высокого статуса. Некоторые фамилии продолжают причислять себя к пополарам, несмотря на то, что, судя по всей внешней атрибутике, это типичные представители «новых нобилей». Таковы, например, семьи Адорно и Фрегозо, крупные землевладельцы и замковладельцы, отслеживающие именитых предков с IX в., обладающие реальным политическим и финансовым могуществом, контролирующие территории за пределами Лигурии. Макиавелли в «Истории Флоренции» отмечал, что в Генуе «много благородных семейств, притом столь могущественных, что они весьма неохотно подчиняются постановлениям магистратов. Могущественнее же всех — семейства Фрегозо и Адорно. Именно они возбуждают все распри, раздирающие этот город и нарушающие общественный порядок. Ибо за власть в городе они борются не законными средствами, а большей частью с оружием в руках, вследствие чего одна партия всегда оказывается в угнетении, а другая у власти» [Макиавелли 1998. С. 417].

Наступление догата Бокканегра теоретически означало официальный приход пополаров к власти при полном устранении нобилей со всех государственных должностей. Однако реальная участь «благородных по рождению» оказалась куда менее суровой. Для некоторых из них, избранных, на практике ничего не изменилось. Как показывает дальнейшее развитие событий, передачу власти нужно понимать скорее как выгодную сделку, хорошо замаскированную под политическую победу пополарства. Состоялся в некотором смысле добровольный обмен властью между пополарами и нобилиями: для последних это был переход с политико-административных

постов на ведущие роли в экономико-финансовом секторе. Немало нобилей, у которых имелись общие коммерческие интересы, взаимные финансовые обязательства, зачастую скрепленные семейными узами с самыми видными семьями крупных торговцев, включая и род Бокканегра, почти не пострадали вследствие перемен. Меры по политической дискриминации родовой знати практически не коснулись так называемых Четырех Великих Семей – *Gli Quattro Grandi* (Фьески, Спинола, Дория, Гримальди), что позволило членам домов Спинола и Дория, не занимая высших правительственных должностей, принимать участие в борьбе за власть с усилившимися после пополарского переворота семьями Адорно, Фрегозо, Гварко и Монтальдо.

Но и внутри пополаров не было единства. После свержения Бокканегра к власти пришел дож Габриэле Адорно (1363-1370), которого сменил Доменико Фрегозо (1370-1378). Это положило начало многолетней борьбе двух пополарских династий теперь уже не только с политическими противниками из стана нобилей, но и между собой. После реформы дожа Габриэле Адорно с 1363 г. официально укрепилось размежевание пополаров на «торговцев» (*mercanti*) и «ремесленников» (*artefici*). Половину мест в Совете городской Коммуны занимали нобили, остальные поровну распределялись между торговцами и ремесленниками.

«Торговцы» и «ремесленники». Особенности геральдики пополаров

Что же представляли собой эти две группы пополаров? Среди торговцев были, в основном, богатые негоцианты, банкиры, предприниматели, судовладельцы, выполнявшие заказы правительства по поставкам различного сырья, курсировавшие по Средиземному и Черному морям через Константинополь и Каффу, Трапезунд и о. Хиос. Грандиозное купеческое альберго Де Франки было основано в 1393 г. Представители фамилий Промонторио и Саули также относят себя к *mercanti*.

Сложнее обстояло дело с социальным положением ремесленников. Надо отметить, что в Северной Италии были традиционно сильны объединения по

профессиональному признаку. Цехи (*arti*), вышедшие из древнеримских ремесленных коллегий и средневековых корпораций, играли значительную экономическую и политическую роль в городах-коммунах [Рутенбург 1987. С. 46]. Их количество говорит само за себя – 21 цех действует во Флоренции, 47 – в Перудже, крупные гильдии Милана и Болоньи объединяют большинство ремесленников этих городов. В Орвьето (Тоскана) сохраняется 29 профессиональных организаций вплоть до середины XVII в.

В Генуе ремесленники, получившие влияние и богатство, стремились не противопоставлять себя родовитым аристократам, а, скорее, ассимилироваться с ними, влиться в правящую элиту. Могущественная и крепкая цеховая организация только препятствовала бы этому. Владельцы ремесленных мастерских и консулы цехов – шелкоткацких, сукнодельческих, горных и металлообрабатывающих – до середины XVI в. не рвались к власти. А в отсутствие сословного противостояния отпадает и необходимость в цеховой геральдике. Видимо, поэтому ни в одном стеммарио нет упоминания о каких-либо цеховых или корпоративных гербах. Речь идет только об индивидуальных фамильных инсигниях генуэзских ремесленников.

Генуэзские ремесленники довольно быстро восприняли систему рыцарских геральдических знаков, правда, несколько в ином ключе, нежели в геральдике феодальной знати. В отличие от благородного понятия *arma*, означающего герб на доспехах, ремесленнические гербы определяются более «приземленным» термином *stemma* (клеймо). Это не знаки военной доблести предков, а, скорее, отличительный признак той или иной семьи, целью которого является визуальное воплощение фамилии. Подобным образом оправдывалось существование гербов, предназначение которых видели в том, чтобы «обеспечить узнавание членов сообщества – гербы вслед за именем есть нечто, отличающее граждан друг от друга» [Черных 1999. С. 84].

Гербы ремесленников, как правило, лишены профессиональной атрибутики. Известен единственный герб с изображением рабочего

инструмента – пилы в руках, распиливающих бревно – принадлежащий роду Бавастро (Scorza. № 73), входившему в нобильское альберго Кальви. Однако здесь использование «профессионального» мотива совершенно иное: этот герб «говорящий», поскольку корень фамилии Бавастро *Bava* по-итальянски означает зубец, острый выступ на поверхности металла, что визуализировано в изображении пилы.

Характерно, что личные гербы ремесленников представляют собой комбинацию из тех же самых эмблем, что и геральдические знаки нобилей. Таков, например, герб рода Кабелла (Scorza. № 143) — в червленом поле лазурная противозубчатая перевязь, на ней шествующий лев в золоте (*di rosso alla banda doppiomerlata d'azzurro al leone passante d'oro*). Среди представителей этого рода — два каффинских консула, их герб выбит на закладных плитах из Каффы. Герб рода Борласка (Scorza. № 117) не менее пышен, чем графский или герцогский, по крайней мере, не уступает им по сложности: поле щита разделено тремя поясами: в первом в золоте возникающий черный орлик; во втором в красном золотой крест, в углах которого четыре византийские литеры В; третий пояс разделен на три столба: червленый, черный и лазурный (*interzato in fascia: 1) d'oro all'aquila nascente di nero; 2) di rosso alla croce d'oro accantonata da 4 beta di Costantinopoli; 3) interzato in palo di rosso, di nero, d'azzurro*).

Если, по меткому замечанию А. Д. Роловой, «в XIV в. о рыцарском гербе мечтал даже флорентийский ремесленник» [1997. С. 84], то, в отличие от своего тосканского собрата по ремеслу, генуэзский ремесленник превратил мечту в реальность. Процесс внедрения во властные структуры простых ремесленников шел постепенно. Эволюцию их социального статуса можно проследить, вслед за Ч. Каттанео Маллоне, по сохранившимся в Секретном Архиве Генуи спискам избранных в Совет старейшин. За 1350 г. среди представителей семейств Дориа, Гримальди, Фьески, Спинола некие персоны обозначены лишь именами рядом с названием профессии и без указания фамилии: *Nicolo pelisaro* (Николо скорняк), *Zanotto campanaro* (Дзанотто

звонарь). Иногда фамилия присутствует: *Federico Canelli tagliatore* (Федерико Канелли закройщик). К 1416 г. бесфамильных в списках анцианов уже нет, зато наблюдается расширение спектра профессий: появляется *Luigi de Guasco barbero* (Луиджи де Гуаско цирюльник), есть мельники, суконщики, шерстянщики и прочие мастеровые.

Понять сословную принадлежность этих привилегированных ремесленников спустя шесть столетий довольно сложно. По мнению Ч. Каттанео Маллоне, это были, скорее всего, мастера цехов или владельцы боттег (предприятий-мастерских) [Cattaneo Mallone 1991. P. 118-137]. По какому принципу они попали в ряды старейшин — вошли на основе вступительного взноса или же были отмечены за выдающиеся личные качества и заслуги — сказать определенно нельзя. Большинство из них впоследствии будет приписано к генуэзскому патрициату и войдет в *Libro d'Oro*, рассредоточившись по альберго. И потомки закройщика Федерико Канелли и шерстянщиков Баттиста де Рапалло и Томмазо де Сестри (фамилии обоих указывают на происхождение из одноименных местностей Лигурии) и мельника Джеронимо Пиппо уже в середине XV в. станут владельцами гербов. Позже всех приобщатся к знати выходцы из семьи цирюльника Луиджи де Гуаско: лишь в 1650 г. имена его потомков будут вписаны в Золотую книгу генуэзской аристократии. Как справедливо отметил Дж. Де Феррари, «в Генуе аристократия — это социальная группа, а не голубая кровь и древнее происхождение» [De Ferrari 1898. P. 9].

Апогей причастности к властным структурам для представителей ремесла пришелся на переломный 1399 г., когда Республика впервые попала под власть французского короля Карла VI. Ремесленники избрали четырех членов правления — цеховых приоров (*Priori delle Arti*), которые управляли Коммуной совместно с 12 советниками. Конец недолгому торжеству ремесленников положил приезд в 1401 г. наместника французского короля, губернатора Генуи Жана Леменгра Бусико, восстановившего прежний порядок.

В ряды ремесленников вливаются и работники бюрократического аппарата — многочисленное племя адвокатов, законников, докторов права, объединенных под общим термином *notai* (нотариусы). Так, члены семьи Кьяврия именуется в официальных документах *notaio*, имеют свою фамильную символику и впоследствии вступают в альберго сиятельнейших Дория.

Обращение к геральдическим памятникам генуэзской фактории Каффы дает нам любопытные результаты. Выявлен герб ремесленника с изображением секиры-топора, помещенный в одном ряду с гербами дожа, консула и генуэзским крестом на обрамлении каффинского колодца. Восьмигранный сегмент горловины колодца, хранящийся в Феодосийском краеведческом музее, впервые был опубликован М. Г. Крамаровским [1992]. На нем высечены надпись и дата: *Michal de Padua me feci[t] MCCCXXXI die V agost* (Михаил из Падуи сделал меня в 1331 году дня 5 августа). Это самый ранний геральдический памятник Каффы.

М. Г. Крамаровский высказывает предположение о связи герба с секирой с ремесленным объединением каменотесов. В доказательство им приводится упоминание в Уставе Каффы 1449 г. должностей «главного мастера» и «старшего мастера» у каменщиков-профессионалов, которым запрещалось покидать город без официального дозволения. Однако нам кажется наиболее вероятным, что эмблема с секирой принадлежала цеху падуанских каменщиков, в который входил мастер Михаил, поставивший подпись на своем произведении.

Вопрос о наличии ремесленных объединений в Каффе представляется дискуссионным — пока исследователи не придут к единому мнению о размерах города и количестве его жителей, вряд ли правомочно его ставить. Нам близка точка зрения А. Л. Пономарева, считающего, что в Каффе в XIV в. проживало не более 7000 человек: «Мизерные, по западноевропейским понятиям, размеры великой Каффы вызывают сильный скепсис по поводу попыток прилагать к ней весь спектр проблем, актуальных в урбанистике. В

частности, нужно ли искать в Крыму цеховые ремесла западноевропейского типа – количество ремесленников одной профессии вряд ли достигало того предела, за которым появлялась необходимость защиты от конкуренции введением правовых институтов» [Пономарев 2000. С. 392-393].

В один смысловой ряд с гербом каменщика нужно поставить и уникальную матрицу-печать с эмблемой профессии кузнеца – молотом и наковальней, найденную в 1979 г. при раскопках городища средневекового Солхата [Крамаровский 1981. С. 51-52; 2000. С. 245-265]. По мнению М. Г. Крамаровского, связь этих двух редчайших изображений ремесленнических атрибутов – секиры на гербе и молота с наковальней на печати – несомненна. В последнем случае автор атрибуции предполагает, что речь может идти о личной печати мастера-металлиста, владельца собственной мастерской. В труде Дж. Баскапе приводятся личные печати кузнецов с изображением молота [Bascapè 1969. P. 406]. Скорее всего, происхождение солхатской находки не генуэзское. Владелец печати мог прибыть в Крым из какого-то иного итальянского центра, подобно кузнецу из Пьяченцы по имени Уголино, работавшему около 1289 г. в Каффе (по данным нотариуса Ламберто ди Самбучето) и вышеупомянутому каменщику Михаилу из Падуи. Бронзовая печать (выс. 13 мм) предназначалась для оттисков по воско-мастичной массе – вполне допустимо, что ею каффинский кузнец ставил печать на документах, письменно подтверждая свои обязательства перед коммуной Каффы.

Возникает резонный вопрос: как возможно отделить обыкновенного мастерового *artigiano* от привилегированного члена общества *artefice*? Нельзя не согласиться с точкой зрения Дж. Бернабо ди Негро: **главным определяющим визуальным критерием социального статуса является герб** [Bernabo di Negro 1983. P. 94]. Только его наличие вводит простого ремесленника в ранг правящих слоев. В генуэзской геральдической практике герб – это средство не только и не столько личной идентификации, но, прежде всего, социальной самоидентификации. «Герб был ... самым наглядным из всех

формальных признаков [социального положения – *Е. Я.*] — право на герб фиксировало нижнюю границу, с которой начиналось в полной мере привилегированное сословие, и одновременно верхнюю границу буферной зоны. <...> Нужда в гербе испытывалась практически и была всеобщей» [Черных 1997. С. 145]. Это определение, сформулированное А.П. Черныхом по поводу роли герба в обозначении границ сословия в португальском обществе XVI в., вполне применимо к Генуе рассматриваемого периода.

Некоторые аспекты происхождения генуэзских гербов и фамилий

Следует отметить, что в начальный период развития генуэзской родовой символики выбор фигур был в достаточной степени упрощен – в качестве эмблемы благородного семейства, как правило, выбирали животное, тоже из благородных (орел, лев), или знаки воинской доблести (перевязь, шахматная клетка – общепризнанный символ поля брани). Непременно вводились элементы «говорящие», указывающие на значение слова-фамилии рода.

Необходимо также уделить внимание и таким важным вопросам как типология и происхождение генуэзских родов и фамилий. Наблюдается преобладание двух основных типов фамилий-прозваний – «говорящие» и «локальные», соответственно происходящие от патронимов и топонимов. К первому типу относятся фамилии, бывшие прозвища предков, зачастую отнюдь не лестные, такие как Эмбриако («пьяница»), Аквавива («живая вода»), Бокканегра («черный рот»), Биша («змея»), Кальво («лысый»), Чикала («цикада»), Чиконья («аист»), Гамбаротта («сломанная нога»), Грилло («сверчок»), Манджавакка («поедающий корову»), Навоне («брюква»), Порчи («свиньи») и тому подобные. Любопытная история произошла с потомками рыцаря из Вогеры, прозванного *Belloculo* («красивый зад»), : совсем непристойно звучащая фамилия была переделана в благозвучную *Bellocchio* («красивые глаза»).

Как правило, на гербовых знаках этих семей встречаются и соответствующие изображения, то есть гербы эти относятся к категории

«гласных». Так, в гербах членов семей Бачикалупо и Канталупо будет изображение волка (*lupo*), Канесса и Каневале – собаки (*cane*), Кастаньо и Кастаньола – каштана (*castagno*), Каstellо и Каstellацио – замка (*castello*), Котта – рубахи (*cotta*), Къеза и Делла Къеза – церкви (*chiesa*), Къявари и Сан-Пьетро – ключей (*chiavi*), Пино и Пинелли – шишек (*pino*), Буфферини – быка (*buffo*), Ваккара – коровы (*vacca*), Дельфино и Драги соответственно дельфина (*delfino*) и дракона (*drago*), Луссио – щуки (*luccio*), Порта – ворот (*porta*), Палаццо – дворца (*palazzo*), Тассорелло – барсука (*tasso*); кур и петухов в фамилиях, содержащих этот смысловой корень – Коккарелло, Галло, Къочча, тогда как Монте и Монтероссо – горной гряды (*monte*), только в последнем случае красной (*rosso*) и тому подобные. Лук с крылатой стрелой Амура поместили на родовой инсигнии члены семьи Финаморе (*fin amore*). На генуэзском диалекте *parisola* означает синицу – эта птичка изображена на гербе семейства Парисола. Нестандартный вариант избрали для своего герба представители клана Рустичи (*Rustici*), что в переводе означает «дикость, дикое поведение». Поместив на геральдическом щите изображение дикобраза, члены рода решили сразу две задачи – отобразили «дикий» элемент своей фамилии и подобрали слово, созвучное в произношении семейному имени – по-итальянски дикобраз *istrice*.

Аристократические и пополярские дома Генуи можно разделить на происходящие:

1. из Генуи и ее ближайших округов;
2. из более отдаленных земель Лигурийской ривьеры;
3. из прочих областей Италии;
4. неитальянского происхождения.

Абсолютное большинство семейств относится к первой группе. Зачастую многие фамилии омонимичны с названиями родовых поместий – это Кабелла, Камольи, Рапалло, Къявари, Кастильоне, Новара, Овада, Портофино и др. Значительная часть лигурийской знати из более отдаленных районов,

таких как Савона, Вентимилья, Ницца, но все-таки расположенных вдоль лигурийского побережья. Остальные являются выходцами из различных городов и земель, таких как Аbruцци, Ломбардия, Модена, Парма, Рим, Венеция, Тоскана, Умбрия, Романья. При этом количественно преобладают выходцы из Пьемонта, Сицилии и Неаполя, что вполне исторически оправдано многовековыми связями Генуи с этими областями. Что же касается неитальянцев по происхождению, то практически весь цвет лигурийского нобилитета глубоко уходит своими корнями в германские земли. Родоначальники таких династий, как Адорно, Чикала, Эгра, Дель Карретто, Ломеллини, Пиккамильо, Пикенотти, Пинелли, Скварчафико и Висконти ведут свою генеалогию от родовитых германцев. Среди них попадаются как старые нобили (Чикала, Ломеллини, Скварчафико, Висконти), так и столпы пополярства (Адорно и Пинелли). Из них раньше всех стали генуэзцами Чикала (с 942), Ломеллини (с 1190) и Адорно (с 1200). Род Фьески (Флиско) достоин особого упоминания: Генрих, легендарный основатель его итальянской ветви, в X в. был Баварским ландграфом. Другая историческая легенда гласит, что когда Гвидо, сын графа Адольфа, был назначен наместником императора в Генуе, он получил должность, именуемую по-итальянски *vice-conte*, отсюда и прозвание Висконти. Потомками полулегендарного графа Адольфа считаются представители знатнейших родов Спинола, Де Турка, Аввокати, Эмбриако, Каstellо, Де Мари, Узо ди Маре и некоторых других.

Фамилии Гаттилузи, Чибо (и ее ответвление Чеба), как и Делла Греча, по своему происхождению греческие. Семейство Сан Бандино, известное в Генуе с 1100 г., происходит из испанских грандов. Встречаются и некоторые имена островного происхождения – с Кипра и Корсики. Богатейшие банкиры-нобили Леркари были выходцами из Армении, а на Лигурийской ривьере проживали с 1222 г. Фамилии Тартаро (в Генуе с 1099 г., из этой семьи происходит первый известный консул Солдайи 1371 г. Леонардо Тартаро) и Каффаротто (в Генуе с 1400 г.) говорят сами за себя – соответственно

проистекают из Крыма, а в последнем случае непосредственно из Каффы, столицы генуэзской Газарии.

«Белые» и «черные», гибеллины и гвельфы

Интересный аспект изучения генуэзской геральдики – выявление преобладающих фигур в гербах местной аристократии. Из естественных фигур самым распространенным изображением на семейных знаках всех времен и народов, классов и социальных групп является лев. Этот постулат М. Пастуро неоспорим и применим ко всей западной геральдике [Pastoureau 1993. P. 192]. Лев – истинный король герба – *le roi du blason* – главный козырь в колоде любого аристократического дома. В Средние века преимущество льва перед иными геральдическими фигурами очевидно. В Новое время его извечный соперник в борьбе за королевский трон – орел, наконец, победил. Север Италии М. Пастуро причисляет к районам, богатым орлами. В случае с Генуей это не совсем так – из 845 родовых инсигний, приведенных в гербовнике А. М. Дж. Скорца, на 223 помещено изображение льва, на 44 – орла, включая вариации с орликом в вершине герба и 30 изображений крепостных башен. Несмотря на «морскую» ориентированность внешней политики Республики, гербов с явно выраженной морской тематикой не так много – только в фамилиях с корнем *mare* (море) – Ди Маре, Де Марини, Узо ди Маре и Ультрамарино. У А. М. Дж. Скорца не зафиксировано ни одного геральдического изображения морского судна, хотя это было бы логично, учитывая то обстоятельство, что многие генуэзцы обладали торговыми или военными кораблями.

Любопытные совпадения фамильных инсигний флорентийцев и генуэзцев отмечены в гербовнике 1585 г. Виченцо Боргини «О гербах флорентийских семей» [Borghini 1990]. Нобильские гербы лигурийских родов Делла Винье, Фьески, Леркари, Де Марини, Узо ди Маре и Чикала полностью идентичны таковым у некоторых флорентийцев: соответственно Абати, дельи Инфангати, дельи Амидеи, Альфани, дельи Спино и деи Маниери. Интересно,

что все перечисленные генуэзские роды, кроме Чикала, были сторонниками фракции гвельфов, как и большинство флорентийцев. Вероятно, причины подобного совпадения следует искать в геральдической символике этих фамилий, отражающей принадлежность к гвельфам.

Не менее важным разграничителем генуэзского общества следует считать цвета (*i colori*). Было принято два цветовых различия — «Белые-Маскарадные» (*Bianchi-Mascherati*) и «Черные-Хищные» (*Neri-Rampini*). Это цветоделение представляло собой своеобразный «политический атавизм», наследие старинной вражды между гибеллинами и гвельфами. Отголоски противостояния и гражданских войн Италии в XII и XIII вв. за императора или папу римского ощущались и в более позднее время. Борьба гибеллинов и гвельфов охватила Италию, как известно, при Фридрихе II Гогенштауфене (1220-1250). В своем стремлении символически обозначить принадлежность к той или иной партии, гибеллины избрали своей эмблемой орла Священной римской империи, а гвельфы – фигуру восстающего льва герцогов Баварского и Саксонского, ярых сторонников папства. Генуя в целом всегда тяготела к гвельфам, хотя некоторые крупные нобили, такие как Спинола и Дориа, поддерживали императора. Основными борцами на стороне гвельфов были патрицианские династии Фьески и Гримальди. При папе Иннокентии IV (1243-1254), происходившем из рода Фьески, сторонники императора были изгнаны из Генуи. С этого времени антитеза «белые-черные» превращается в устойчивую идеологию. Примирение враждующих фракций произошло после смерти папы, что позволило изгнанникам вернуться на родину. Следующая перемена власти произошла в 1335 г. после избрания капитанами лидеров гибеллинской оппозиции Раффаэле Дориа и Галеотто Спинола ди Лукколи, верных сподвижников императора. Фьески, окончательно лишённые доверия, вынуждены были сойти с политической арены Генуи. Большая часть рода Гримальди осела на территории княжества Монако. Для сравнения во Флоренции в 1300 г. на место гвельфов и гибеллинов после окончательной победы первых приходит новое разделение: на партию «черных», в которой

ведущую роль играют гранды, и партию «белых», руководимую богатыми ремесленниками, лидерами старших цехов. Кровавая вражда этих партий в течение ряда лет раздирает коммуну Флоренции.

То, что было актуально для середины XIII в., с течением времени теряет свою значимость. В XIV-XV вв. цветовые характеристики воспринимаются скорее как дань традиции. Названия цветов используются для обозначения принадлежности к фракциям. Спинола и Дориа доминируют в ряду «белых» нобилей, за ними следуют Вивальди, Каттанео, Грилло, Чентурионе, Скварчафико, Чикала, Имперiale, Де Мари, Пинелли, Нигроно, Гизольфо, Пандзано. Среди «черных» нобилей Фьески и Гримальди соседствуют с Ломеллини, ди Негро, Сальваго, Де Марини, Кальво, Узо ди Маре. Что касается Леркари, Итальяно и Джентиле, они присутствуют как среди одних, так и среди других. Список торговцев-гибеллинов возглавляют Адорно и Де Франки, затем идут Джустиниани и де Форнари. Семейства Фрегозо, Джудиче и Саули образуют группу торговцев-гвельфов. В ряду «белых» ремесленников — Борласка, Кьявари, Кабелла, Коста, Сан Пьетро, Виньоло и другие. Канесса, Чева, Фольетта, Иллюминати, Монелья, Навоне и Сальво принадлежат к ремесленникам-гвельфам. Особняком стоят такие пополярские кланы, как Гварко, Монтальдо, Бокканегра и Ассерето. Они до конца так и не примкнули ни к одной фракции.

Антитеза лев – орел в геральдике Генуи отражает противоборство гвельфов и гибеллинов, где лев – типичная эмблема гвельфов, а орел – гибеллинов. Но и в позднее время многие аноблированные дворяне желали видеть на своих гербовых щитах именно льва с его репутацией «благороднейшего». Из 123 родовых гербов, присвоенных генуэзским гражданам в период с 1500 по 1793 г., на 33 изображен лев. В этой связи уместно будет привести французскую поговорку: «Кто не имеет [родового] герба, тот носит [на щите] льва».

О легитимности генуэзских родовых гербов

Законы Республики не запрещали кому бы то ни было обладать гербом или эмблемой. Для генуэзского правительства использование геральдических знаков всецело зависело от личной инициативы граждан, оставаясь в сугубо частной компетенции. Каждый мог принять герб по своему усмотрению. Лишь в конце XV в. к свободному усвоению герба прибавилось пожалование, которое утвердилось в форме закрепления за жалующим ранее принятого или унаследованного им герба [Pastoureau 1993. Р. 214]. Впрочем, это обстоятельство нисколько не противоречило общим тенденциям времени, отраженным в геральдических произведениях позднего средневековья, в частности, в широко известном трактате *De insigniis et armis* («О знаках и гербах») доктора права Бартоло ди Сассоферрато (1313/1314 – около 1358). Трактат увидел свет уже после смерти Бартоло и сразу же был переведен на многие языки. В силу своих юридических интересов Бартоло избирает основной темой трактата проблемы легитимации рыцарских гербов, в том числе и пожалованных. Во многом оправдывая постфактум сложившуюся ранее геральдическую практику в Европе, Бартоло пишет: «Каждый может взять себе гербы и знаки, носить их и изображать на собственных вещах. Если кто, взяв герб или знаки другого, которые тот носит издревле, не причинит этим ущерба или вреда, то пусть возьмет и носит» [Бартоло ди Сассоферрато 1989. С. 312]. Однако и Бартоло, сам введенный в дворянское достоинство и обретший пожалованный императором герб, признает, что существуют ситуации, когда запрещено присваивать чужие знаки. Это прежде всего касается ремесленнических клейм на изделиях, личных печатей нотариусов, а также водяных знаков изготовителей бумаги. Самыми достойными, по мнению автора, должны признаваться пожалованные свыше гербы – они неоспоримы, вечны, почетны. Совпадения же фамильных знаков представителей разных стран следует считать случайными и не придавать этому фатального значения.

Эти постулаты Бартоло кажутся сформулированными на основе генуэзской геральдической практики. Разительной иллюстрацией такого существования по принципу «что не запрещено — то разрешено» являет собой

фамильная символика старейшего рода Дория (*D'Auria*). Династия Дория прослеживает свои корни с середины XI в., когда потомки Ардуэна, герцога Нарбоны, стали именоваться сыновьями Ории по имени матери Орьетты, то есть, Д'Ория. Всего известно пять вариантов гербов этой семьи. Среди них и последний, современный герб — поле щита пересечено на золотой и серебряный, в центре щита черный орел в червленой короне (*spaccato d'oro e d'argento; all'aquila sul tutto di nero membrata e coronata di rosso*). Легенда гласит, что «имперский» орел был пожалован представителям рода Генрихом VII Люксембургским, VI Императором Священной Римской Империи, в октябре 1311 г. в знак благодарности за твердые гибеллинские убеждения. К сожалению, местонахождение подлинного экземпляра эдикта до сих пор не установлено. Сам факт пожалования засвидетельствован авторами поздних рукописных гербовников — О. Гандуччо и Ф. Федеричи, и, что важнее, в «Генуэзских хрониках» XIV в. (*Annales Genuenses*) Джорджо Стелла. Однако в достоверности этой легенды есть некоторые сомнения. Так, нотариус Доменико Пьяджо, автор свода лапидарных памятников и надгробий генуэзской аристократии, находящихся в церквях города, утверждает, что существует надгробный монумент Бариксония Дория с геральдическим изображением орла, датированный 1282 г. [Piaggio 1720]. Впрочем, это единственное указание на раннее использование орла в качестве фамильного знака Дория. Подобные расхождения доказывают, что никакого надзора за использованием геральдических знаков не велось. Более того, члены одной и той же семьи, носители одинаковой фамилии, имели различные гербы. Ф. Федеричи описывает надгробную плиту Бабилано Дория (1260), где в поле щита изображен шагающий вправо лев, тогда как на погребальной плите представителя этого же рода Эгидия Дория (1305), по сведениям Д. Пьяджо, щит разделен двойным переменным-противозубчатым поясом (*due fasce contradoppiomerrlate*). Зубцы, или меандровый орнамент, как и орел, означали принадлежность к фракции гибеллинов. Еще один вариант, подтвержденный Д. Пьяджо, приводит в своем стеммари О. Гандуччо: в золотом поле в

голубом круглом щитке двухэтажная башня в серебре (*d'oro alla rotella d'azzurro caricata d'una torre di due piani d'argento*). Это же изображение выбито на надгробии Гавино Дориа в церкви св. Доминика в Генуе, датированном 1309 г. Как видно из приведенных примеров, по крайней мере, в двух случаях из пяти металлы полей гербов Дориа – золото и серебро, где золото – намек на корень фамилии *D'Auria* (от лат. *aurum* - золото), а серебро (белый) – свидетельство партийной принадлежности к гибеллинам.

Происхождение герба аристократического рода Чикала тоже отмечено печатью мифологичности. В гербовниках А. Франдзоне и О. Гандуччо даются два варианта фамильной инсигнии Чикала, из которых более ранним признается следующий: в лазурном поле шесть цикад, расположенных вдоль серебряного бордюра (*d'azzurro a sei cicale poste in orlo d'argento*). Перед нами традиционный пример «говорящего» герба, ведь по-итальянски *cicala* означает «цикада». Объяснение прозвищу, впоследствии преобразованному в фамилию, как и изображению на гербе, находим в старинной легенде, пересказанной Дж. Бернабо ди Негро [Bernabo di Negro 1983. P. 72]. В ней рассказывается о некоем солдате из Вентимильи, по имени Помпео, которого во время сражения с отрядом пизанцев внезапно привлекло пение цикад. Победив в битве, Помпео счел услышанное им пение за добрый знак и в память о событиях установил на своем щите серебряные фигурки цикад. Война генуэзцев с Пизой относится к 1280-м гг., видимо, к этому времени следует отнести и появление геральдического знака Чикала.

Одну легенду сменяет другая. В 1432 г. за победу над османами король Владислав II Польский Ягайло (1386-1434), наградил Джованни Баттиста Чикала орденом Белого орла с правом помещения его на фамильном гербе. С той поры и ведет свое существование новый герб рода — в червленом поле белый орел, коронованный золотой короной (*di rosso all'aquila d'argento coronata d'oro*). Однако на закладной плите из Солдаи в честь местного консула Коррадо Чикала, датированной 1404 г., обнаруживаем по обеим сторонам от герба Генуи изображения одноглавых орлов, увенчанных

коронами и с расправленными крыльями. Расхождение в датировках не оставляет сомнений в том, что обе версии о происхождении гербов Чикала так и останутся легендарными.

Акт создания пополарского альберго Де Франки от 28 января 1393 г. содержит описание принятого тогда же герба, общего для всех членов альберго «В золотом поле натурального цвета сокол» (*falconus unus in campo aureo depictus secundum naturam et colorem falconi*) [Bernabo di Negro 1983. P. 100-101]. Однако через пять лет 5 апреля 1398 г. прежний герб был заменен на изображение трех золотых корон в червленом поле (*di rosso a tre corone patrizie d'oro poste 2 e 1*), известное по строительным плитам из Крыма. Что побудило членов новоявленного альберго изменить пятью годами ранее принятый герб, не вполне ясно. Однако сам факт свидетельствует о том, какое громадное значение придавалось геральдической символике в Генуе.

Этот геральдический «произвол» попытался приостановить своими реформаторскими начинаниями дож Андреа Дориа. В 1528 г. был обнародован документ, получивший название «аристократической конституции». Из основных задач реформы Дориа нужно вычленить две: во-первых, перепись всех нобилей, старых и новых, граждан Республики в так называемую «Книгу граждан» (*Liber Civiltatis*); во-вторых, распределение фамилий по альберго с позиций политических, а не семейных интересов, разумеется, в пользу «старой» аристократии. Главной мишенью Дориа были Адорно и Фрегозо, именно их требовалось законным путем раз и навсегда устранить от власти. Общее количество кланов было сведено к 28, причем во главе только пяти из них стояли пополары — Де Форнари, Промонторио, Де Франки, Саули и Джустиниани. Не включенные в список из 28 альберго теряли политическое право на руководство Республикой. В результате влиятельнейшие и богатейшие Фрегозо, давние соперники Дориа на политической арене, были приписаны к Альберго № II рода Де Форнари с сохранением фамильной инсигнии. Древнейшим и могущественнейшим Адорно тоже не было позволено образовать свой клан — они вошли в Альберго № XX рода

Пинелли. Примечательно, что Пинелли – династия нобильская, и, растворив в ней Адорно – оплот генуэзских пополаров, реформаторы во главе с Андреа Дориа дискредитировали саму идею пополарства. Таким образом, почти двухвековое господство пополаров на политическом троне Генуэзской республики было навсегда уничтожено, а эти списки формально и официально закрепляли прерогативу «старой аристократии» на политическую деятельность, от которой они долгие годы были отстранены.

Геральдика генуэзских альберго

Что же представляли собой генуэзские альберго? Каковы их отличительные черты от клановых и семейных образований других городов и стран? Почему именно в Генуе альберго придается такое большое значение? Ведь понятие семейного клана известно и в других регионах Европы.

История генуэзских альберго наиболее полно разработана в книге Ж. Эрса «Семейный клан в Средние века» [Heers 1974]. Выходят и отдельные статьи по вопросам путей формирования того или иного альберго. Среди прочих следует выделить работы Ч. Каттанео Маллоне [Cattaneo Mallone 1989, 1990] и Э. Гренди [Grendi 1975, 1980]. Дж. Бриаско [Briasco 1980] собраны и опубликованы документы, относящиеся к образованию самого крупного пополарского клана Де Франки. Однако геральдический аспект проблемы до сих пор не получил детального освещения, в то время как в сфере наших интересов – попытка установить, в какой степени формирование того или иного альберго оказывало влияние на родовую геральдику лигурийской знати. Сжатые и емкие выводы об особенностях общественного устройства генуэзской коммуны в целом и феномене альберго в частности сделаны в статье Л. Г. Климанова. Позволим себе процитировать их почти без купюр: «В 1135 г. весь «народ» Генуи был распределен по восьми «компаниям», каждая из которых охватывала одну из исторических частей города и соответственно называлась: [...] *Compagna Castri, Compagna Plateae Longae, Compagna Maccagnanae, Compagna Sancti Laurentii, Compagna Portae, Compagna Suxiliae*

(Soziglia), Compagna Porte nove, Compagna Burgi. Вскоре «компании» в силу политических и экономических причин преобразовались в серию «консортерий» – широко распространенный в Италии того времени тип объединения, восходящий к древнеримскому *consortium*: группе братьев и родственников – *consortes*, которые затем и жили на одном участке земли – *sors*. Уже в IX в. *consortium* представляли собой объединение соседей, которые совместно управляли неделимыми фондами своей соседской общины и платили коммунальные налоги [...] При отсутствии сильного государства, которое Генуя так и не смогла создать, семьи были вынуждены объединяться для охраны имущества и прав своих членов и – шире – для коллективного выживания, и делали они это, основываясь на тех нормах и правилах, которые сами же и вырабатывали [...] Альберго был частным по правовой природе, но признанным коммунной объединением семей, каковое положение было закреплено в статутах коммуны Генуи специальной статьей “*De committendis propinquorum questionibus in Albergaria*”» [Климанов 2000. С. 314-315].

Споры вокруг этимологии термина *albergo* не утихают до сих пор. Возможно, он проистекает от лангобардского *arbergo*. Корни этого словообразования уходят в античность: *heriberg* истолковывают как «казарма», «убежище». В современном итальянском языке *albergo* означает «гостиница». Некоторые ранние генуэзские письменные источники употребляют его в значении «семья». Средневековые представления о семье обобщены в монографии Ж. Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада», где в частности, читаем: «...индивид в средние века в первую очередь принадлежал семье, патриархальной или племенной». Кровная общность – линьяж – определял и «реалии жизни рыцаря, и его мораль, и обязанности» [Ле Гофф 1992. С. 262]. Члены линьяжа – «родные», «друзья по плоти», «свойственники» – были связаны узами солидарности во всем. Следующим этапом в организации семейной группы был клан, или альберго, объединивший уже неродных по крови. В локальных хрониках, по убеждению Э. Гренди, первые упоминания об альберго относятся к 1267 г., и уже к 1290 г.

это понятие обретает терминологическую устойчивость. Примерно со второй половины XIII в. под альберго подразумевают экономический и политический альянс различных знатных семей, не связанных кровными узами, но принявших одну фамилию с потерей своей собственной. Такому пониманию альберго эквивалентны ломбардское *domus* и тосканское *consorteria*.

Интеграция семей в альберго происходила поэтапно. Среди первых альберго, возникших до 1310 г., генуэзские историки называют семьи Спинола, Дориа, Делла Вольта, Гримальди, Джентиле, Имперiale и Каттанео. Одним из самых ранних А. М. Дж. Скорца считает союз Сальваго, образованный до 1241 г. на основе объединения фамилий Порчи, Непителли и Стриджапорчи [Scorza 1924. P. 217]. В церкви Сан Марко Ал Моло в Генуе сохранилась усыпальница членов семьи Джованни Непителли Стриджапорчи, принявшего новое имя Сальваго, датированное 1174 г. с надписью: *Sepulcrum Streiaporci quondam domini Iohannis Nepitele et heredum eius qui postea cognominati sunt Salvatici* [Corpus Silva 1987. № 56]. Что же касается данного конкретного случая, можно с уверенностью утверждать, что утрата прежних фамилий была выгодна семьям Порчи и Стриджапорчи по причине их крайнего неблагозвучия — в переводе фамилии звучат как «свины» и «чистильщики свиней».

Как правило, новые члены сообщества принимали фамилию главной семьи, в которую вливались. Э. Гренди называет это своего рода политической фальсификацией, цель которой — представить все таким образом, будто объединившиеся имеют общие корни, общее происхождение. В формулу объединения также было включено принятие родовых инсигний главной семьи, а с ними, согласно статутам, и таких черт, как «гордость, слава, честь и достоинство» (*alle insegne, al decoro, alla fama, all'onore, alla dignita*). В обязательном порядке рассматривалась возможность совместного наследования, однако здесь, по-видимому, приоритет принадлежал представителям главной семьи. Это правило распространяется и на куплю-продажу недвижимости. К примеру, в своем завещании от 6 октября 1456 г.

гражданин Генуи Никколо Маркони, поручая продать свой дом в Генуе, обещает скидку в 50 лир покупателю, если это будет член его альберго. Этот же завещатель рекомендует доход от проданного имущества истратить на благое дело – на выкуп родственников или членов родного альберго, попавших во вражеский плен [Карпов 1997. С. 65-67].

В некоторых случаях вхождение в альберго не препятствовало сохранению собственных родовых отличий, а изменение фамилии отнюдь не всегда влекло за собой утрату родового герба. Тем более что старая фамилия не исчезла окончательно, то и дело «всплывая» в документах о наследовании с непременной приставкой *olim* (буквальный перевод – «некогда, прежде»; в данном контексте тождественно значению «бывший»). Сложились следующие основные типы модификации фамилий и родовых гербов при вхождении семей в альберго.

Вариант 1. После вступления в альберго род теряет свою фамилию и семейную символику, полностью растворяясь в главной семье. Характерно для ранних объединений. Пример: семьи Большаско, Каверонки, Марозо, Оттавеги, вошедшие в альберго Фаттинанти. В дальнейшем их фамилии и геральдические знаки отсутствуют в списках генуэзского нобилитета.

Вариант 2. В большинстве случаев род теряет родовую фамилию; старая фамилия указывается с приставкой *olim*; прежний фамильный герб продолжает существовать, его помещают на фамильных надгробиях. Однако в качестве официальной символики, скажем, на закладных плитах, фигурирует уже герб альберго. Пример: на закладной плите солдайского консула Барнабо Де Франки *olim* ди Пагана изображены три короны – символ альберго Де Франки, а не родовой герб семьи ди Пагана.

Вариант 3. Изредка фамилия рода сохраняется, но родовой герб утрачивается, и используются инсигнии главной семьи. Пример: на закладной плите солдайского консула Бернардо д'Амико высечен герб альберго Кальви.

Вариант 4. Вступившая в альберго семья сохраняет и свою фамилию, и

герб. Типично для поздних объединений (середина XV в. – до 1528 г.). Пример: члены альберго Сальваго, Гримальди, Чентурионе и многих других.

Иногда членами клана совместно избиралась новая общая фамилия – так произошло с Де Франки, Джентиле, Имперiale, Кампьюни, Колонна, Чентурионе и Шипионе. В таких случаях вслед за сменой фамилии их геральдические символы также разрабатывались заново.

Члены одной и той же семьи могли распределяться по разным кланам, – например, часть рода Джудиче вошла в альберго Кальви, остальные – в Узо ди Маре и Вивальди. При этом новые гербы Джудиче различаются по форме, хотя и сохраняют во всех трех случаях общий составной элемент – перевязь, и один из цветов – лазурь.

Некоторые исследователи объясняют феномен альберго возросшей необходимостью усиления аристократических семей как реакции на укрепление и рост активности пополярства. Как отмечает С. Близнюк, «...ловкость некоторых знатных семей проявилась в способности поглощать другие семьи и использовать их потенциал» [Близнюк 1995. С. 41], то есть связи, капитал, движимое и недвижимое имущество. Структура кланов постоянно менялась из-за выхода одних и присоединения новых членов. Менялось и число самих альберго. Динамику колебания общего количества альберго в разные годы приводит Ч. Каттанео Маллоне: в 1347 г. насчитывалось 97 нобильских альберго, в 1364 г. их число убавилось до 66, к 1414 г. опять возросло до 74, с 1439 г. количество их постепенно уменьшается сначала до 70, затем в 1445 г. снизилось до 59, через 20 лет к 1465 г. осталось менее 40, пока, наконец, не остановилось на финальной отметке 28 после реформы 1528 г. [Cattaneo Mallone 1991. P. 105]. Проследить изменения в составе семейных кланов стало возможным благодаря изученным Ж. Эрсом спискам фискальных регистров, где имена налогоплательщиков-нобилей расположены в соответствии с принадлежностью к тому или иному альберго.

Принятию в альберго новых членов сопутствовал торжественный

ритуал. Ж. Эрс подробно описал церемониал, сопровождавший вхождение членов семьи Чеба в клан старейшей нобильской династии Гримальди. До 1441 г. Гримальди уже вобрали в свой альберго древний род де Кастро, иначе Кастелли, а также частично семьи де Банка и Лонго, и продолжали расширяться. После того, как Чеба заявили о своем намерении вступить в альберго Гримальди, 25 октября 1448 г. 64 старейшины принимающей стороны назначают двух прокураторов, Лучано и Дорино, ответственными за ритуал. От имени Чеба делегируют Николо, в свою очередь, избранного шестью главами своей семьи. Гримальди торжественно декларируют имена своих братьев и их сыновей, называют точное количество равноправных членов семьи в подтверждение масштабности и могущества своего клана. Об особой значимости происходящего свидетельствует выбор нотариуса — не простого, а самого канцлера генуэзской коммуны, Джакомо Брачелли. 3 декабря 1448 г. старейшины рода Гримальди постановляют, что Николо, Федерико, а с ними и другие Чеба приняты в Гримальди. Отныне все члены семьи, племянники и их потомки будут именоваться *ex familia et cognomento Grimaldorum* [Heers 1974. P. 92-93].

Политическое противостояние нобилей и пополаров не могло не отразиться на количестве семейных кланов. К 1364 г. численный перевес был у нобилей – 66 против 14, но преимущество пополарских альберго, частично объясняющее секрет их выживания, заключалось в их большей сплоченности на тот период и в том, что они были крупнее по составу, иначе говоря, включали больше персон.

Территориальные объединения пополаров по кварталам города носили название *conestagie* – существовали *Il Conestagio della Piazza di S. Stefano, di fuori della Porta di S. Andrea*, куда входили соседи-единомышленники, собравшись по ремеслу. Среди пополаров самыми многочисленными были кланы Де Франки и Джустиниани. Акт об основании гигантского клана Де Франки был подписан в январе 1393 г. Как уже было упомянуто, Де Франки — это не фамилия семейства, а лишь название альберго. Среди консолидировавшихся

— семьи Фигоне, Виньозо, Луксардо, Гоано, ди Пагана, Сакки, Торторино, делла Торре и другие. В начале 1398 г. к ним присоединились семьи Кальчинара, Де Паоли и Леванто. 5 апреля 1398 г. были получены документы об утверждении нового герба, общего для всех членов клана, старых и новых. Вероятно, причиной изменения герба с соколом на герб с тремя коронами явилось принятие в альберго новых членов. Однако процесс формирования альберго Де Франки не был завершен к этому времени. В 1452 г. в него вступают фамилии Болгари, Виале, Кокарелло и Джулия, в 1453 г. – семейство Този и в 1459 г. – знаменитый род Бокканегра. А. М. Дж. Скорца приводит эмблему Де Франки с изображением черного сокола в золотом поле (правда, ошибочно называя его «вороном» – *il corvo*) как эмблему фракции [Scorza 1924. P. 105]. Это не совсем стыкуется с тем фактом, что Де Франки всегда были гибеллинами, то есть «белыми», и это должно найти отражение в цветовой символике герба фракции. И уж черный, гвельфский, цвет основной фигуры вряд ли мог соответствовать их партийной принадлежности.

Вторым по размеру был клан Джустиниани, из личной фамилии также трансформировавшийся в название альберго. В него вошли семейства Форнети, Реканелли, Аранджи, Угетти, Кампи и де Банка. Статут о его основании был подписан 16 декабря 1349 г. Не случайно сразу же после объединения Джустиниани укрепились на о. Хиосе, основав там крупнейшую Маону и положив конец четвертьвековой синьории Дзаккариа.

Отсутствие письменных источников по геральдике XIII-XV вв. ограничивает возможности исследования и заставляет опираться только на лапидарное наследие – надгробные памятники и закладные плиты. Этот материал в силу своей неполноты не позволяет сделать четкие выводы. Сложная структура межфамильных и клановых связей, распределение по кланам – альберго, отличающимся от средневековой системы линьяжа, затрудняют работу с источниками. Для того чтобы установить, какой герб высечен на закладной плите, предстоит распутать целый клубок семейных связей и проследить историю семьи вплоть до самого ее основания. Здесь

приходит на помощь семантика фамилии, в большинстве случаев «говорящей» или прямо указывающей на происхождение рода.